

12. Sigal P. *The Flower and the Scorpion: Sexuality and Ritual in Early Nahua Culture* / P. Sigal. – London : Duke University Press Publ. House, 2011.

13. Simmons M. *Kit Carson and his three Wives: A family history* / M. Simmons. – Albuquerque : UNM Press Publ., 2003.

14. Volo J. M. *The Boston Tea Party: The Foundation of revolution* / J. M. Volo. – Santa Barbara : ABC-CLIO Publ., 2012.

References

1. Klossovski P. *Sad i revolyutsiya* [Garden and the Revolution]. *Markiz de Sad i KhKh vek* [Marquis de Sade and the twentieth century], Moscow, Kultura Publ., 1992, pp. 25–46.

2. Pushkin A. S. *Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza* [Diaries. Autobiographical fiction], Saint-Peterburg, ABC Classics Publ. House, 2008. 352 p.

3. Turner F. Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History], Moscow, Ves mir Publ., 2009. 304 p.

4. Fuko M. *O transgressii* [On transgression]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl serediny KhKh veka* [Tanatografiya Eros: Georges Bataille and the French thought the mid-twentieth century], Saint-Peterburg, Mifril Publ., 1994, pp. 113–131.

5. Yakushenkova O. S. *Zhenshchina na amerikanskom frontire* [Woman on the American frontier], Astrakhan, 2012.

6. Brown D. A. *Bury my heart at Wounded Knee*, N.Y., Barrie & Jenkins Publ., 1970.

7. Carson K. *Kit Carson's Autobiography*, Lincoln, University of Nebraska Press Publ. House, 1966.

8. Chuchiak IV J. *The Sins of the fathers: Franciscan Friars, Parish Priests, and the Sexual Conquest of the Yucatec Maya, 1545-1808. Sexual Encounters/Sexual Collisions: Alternative Sexualities in Colonial Mesoamerica. Ethnohistory*, 2007, vol. 54, no. 1, pp. 69–127.

9. Johansen B. E., Mann B. A. (ed.) *Encyclopedia of Haudenosaunee (Iroquois Confederacy)*, Westport, London, Greenwood Press Publ., 2000.

10. Goss E. H. *The Life of Colonel Paul Revere*, Boston, Joseph George Cupples Publ., 1891, vol. 1.

11. Gunderson C. *The Boston Tea Party*, Edina (Minnesota), ABDO Publishing Company, 2004.

12. Sigal P. *The Flower and the Scorpion: Sexuality and Ritual in Early Nahua Culture*, London, Duke University Press Publ. House, 2011.

13. Simmons M. *Kit Carson and his three Wives: A family history*, Albuquerque, UNM Press Publ., 2003.

14. Volo J. M. *The Boston Tea Party: The Foundation of revolution*, Santa Barbara, ABC-CLIO Publ., 2012.

КАВКАЗ КАК ВЕЧНЫЙ ФРОНТИР¹⁸

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, ведущий специалист

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dc_mail@bk.ru

¹⁸ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/414 по теме: «Человек фронта: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий» Код проекта 392 2014-2016

В данной статье в процессе анализа социокультурных процессов, происходящих на Кавказе, показаны эпистемологические возможности теории фронта, предложенной Дж. Тернером и получившей дальнейшее развитие в зарубежных и российских исследованиях. На основе анализа современного состояния фронтальной теории были проанализированы различные варианты типологии фронта, в том числе предложенной ранее О.С. Якушenkовой, С.Н. Якушenkовым и А.П. Романовой. Применяемая для исследования новая типология: ранний фронт, фронт, постфронт и рефронт – обладает новыми методологическими возможностями, позволяя анализировать фронт не как законченное историческое событие, а как современный социокультурный процесс. Это дает возможность лучше понять характер современных конфликтов и конфронтаций основных акторов кавказского фронта и спрогнозировать дальнейшее развитие межкультурных коммуникаций в этом регионе.

Ключевые слова: фронт, типология, рефронт, культурные коммуникации, Кавказ

THE CAUCASUS AS AN ETERNAL FRONTIER

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatischev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Topchiev Mikhail S., Ph.D. (Political Science), Leading specialist

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dc_mail@bk.ru

Based on the example of the analysis of social and cultural processes the article shows epistemic opportunities of the frontier theory proposed by F.J. Turner and received further development in foreign and Russian researches. The authors of the article assess current state of the frontier theory and compare different versions of the frontier typology. A special attention is paid to a new typology earlier proposed by O.S. Yakushenkova, S.N. Yakushenkov and A.P. Romanova. This typology – early frontier, frontier, postfrontier and refrontier – was applied to the analysis of the Caucasian frontier change dynamics. The study resulted in revelation of new methodological opportunities of this typology allowing to analyze frontier not as complete historical phenomenon but as ongoing, dynamically changing social and cultural process. It makes possible to understand better the character of modern conflicts and confrontations of the main Caucasian frontier actors and to predict further development of intercultural communications in this region. This typology can be also applied to study other regions.

Keywords: frontier, typology, refrontier, cultural communications, Caucasus

Введение

Со времени появления в 1893 г., теория фронта, сформулированная F.J. Turner на материалах американской истории и продолженная многими американскими исследователями (R. A. Billington, R.W. Etulain, F. Paxson и др.), получила развитие во всем мире. Она стала применяться к другим территориям: Индия (R.V. Pemberton, G.Th. Bayfield, S. Cotton, S.S. Jeyaseela.) Канада (E. Furniss), Афганистан (V. Schofield) Австралия (E. Furniss), Африка (О.М. Есаулова), Россия (М. Khodarkovsky, J.L. Weizynski, Denis D.P. Show). В России исследованиями фронта первоначально занялись сибирские историки (А.Д. Агеев, Д.Я. Резун, Н.Ю. Замятина). В дальнейшем в России фронтальная методология исследования была применена к территории Дальнего Востока (Т.В. Воробьева, Н.Н. Приходько), центральной Азии (В.А. Моисеев). Были попытки применить ее к центральной территории России (Д.С. Жуков, В.В. Канищев). В последнее время интерес исследователей стал привлекать Юг России – территории Юж-

ного федерального и Северокавказского округов. (Томас М. Баррет, Э.А. Шеуджен, С.М. Маркедонов, С.Н. Якушенко, А.П. Романова). В силу того, что, сам Тернер дал весьма расплывчатое определение фронта, а применение фронтальной методологии к ряду территорий дало интересные результаты, возросла эпистемологическая роль фронтальной теории. По мере распространения, идея фронта получила новое осмысление и развитие. Фронт перестал пониматься преимущественно, как пограничная территория между дикостью и цивилизацией. Он стал рассматриваться и как территория «между Своими и Чужими» (С.Н. Якушенко, О.С. Якушenkova), как разлом двух цивилизаций (А.Д. Агеев) как контактная, диалоговая зона встреч различных культур (А.С. Хромых, И.Я. Левяш) и т.д. Появились новые варианты типологии фронта. В данной статье основным предметом исследования являются современные культурные процессы, происходящие на Северном Кавказе. Основная задача, стоящая перед авторами статьи, – на основе анализа существующих и предложенной нами ранее типологии фронта, выделить основные характеристики кавказского фронта, посмотреть его эволюцию и современное состояние коммуникационных процессов.

Методология исследования

Основной методологией исследования в данном случае является сам фронтальный подход к культурным и политическим процессам, протекающим на Кавказе. Теория фронта перестает быть инструментом чисто исторического исследования, применяем к процессам, протекавшим в далеком прошлом. Использование ее для анализа современных процессов, происходящих на территориях исторического фронта, дает нам возможность говорить о фронте, как о продолжающемся и модифицирующемся процессе. Гетеротопность фронта позволяет нам применять параллельно синхронный и диахронный методы исследования, а метод деконструкции – отойти от традиционного линейного подхода к анализу фронта. Многообразие фронтов, сложность их типологии и структурирования требует применения компаративистского подхода прежде всего в области культурно-исторических процессов.

Теоретические основы исследования фронта : современное состояние

Несмотря на то, что сам Тернер дал весьма расплывчатое определение фронта, анализируя его работы можно выявить целый ряд фронтальных характеристик: окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т.д. Они обозначены Тернером в своих текстах [19], но не систематизированы. Однако эти характеристики были дополнены и осмыслены его интерпретаторами (A. G. Bogue, R. Hofstadter, R. Jensen) и последователями (V. Prescott, G.D. Triggs, R.W. Etulain). Среди российских исследований в области теории фронта и классификации его критериев наиболее содержательными являются работы И.Ю. Басалаевой [2–4]. В связи с выделением базового набора критериев можно выделить несколько направлений в исследовании фронта: географическое, цивилизационное, альтернативное. Особое место в исследовании фронта занимает его типологизация. Некоторые процедуры типологизации были осуществлены самим Тернером. Однако наибольшее внимание этому вопросу уделит R.A. Billington. В основу его типологии (более 20 типов фронта) был положен географический и исторический принципы. Предложенные им типы или формы фронта (трапперский, шахтерский, торговый и т.д.) носят ярко выраженный хозяйственный характер [18]. В российской науке был тоже осуществлен ряд попыток структурирования, классификации фронтальных процессов. Выделяя три структурных элемента фронта – внешний, внутренний и внутрицивилизационный, характеризующий новую форму отно-

шений между старожилами и переселенцами [13]. М.В. Шиловский характеризует их как виды фронта, А.С. Хромых – как стадии одного и того же фронта [11]. А.И. Широков, отходя от чисто исторической трактовки фронта, рассматривает фронт как волновой процесс и считает возможным применить эту методологию к процессам освоения Сибири в XX в. [14]. Новую типологию фронта предложила отечественная исследовательница О.С. Якушенкова. В основу своей типологизации она положила не просто классический линейный цивилизационный подход, а характер коммуникационных процессов, происходящих на территориях фронта. На основе исследования американского материала, она выделяет три разных типа фронта: ранний фронт, собственно фронт и постфронт, каждый из которых характеризуется своим типом культурного диалога [17]. Данная типология хорошо применима к однонаправленному линейному американскому фронту. Однако при исследовании процессов происходящих на Юге России можно говорить о несколько иной модели фронта и соответственно его типологии. Причем она будет отличаться даже в разных регионах Юга России: Нижней Волге и Северном Кавказе. Для Кавказского фронта данная типология была дополнена С.Н. Якушенковым и А.П. Романовой еще одной стадией и в определенной степени типом фронта – рефронтом [16]. Рефронт как особый тип коммуникационных отношений на фронте выделен как раз в связи с исследованиями фронтных процессов на Кавказе, которые носят там реверсивный характер. Рефронт характеризуется разрушением сложившихся во время стадии фронта и постфронта коммуникаций, конфронтацией акторов фронтной зоны, а также различными сценариями его дальнейшего развития. Рефронт в определенной степени есть живой фронтный процесс современности.

Специфика и типология Кавказского фронта

Вопрос о том, можно ли считать Кавказ территорией фронта, до сих пор не решен. Некоторые исследователи, такие как Э.А. Шеуджен [12], уверенно отрицают это, прежде всего на том основании, что главной характеристикой фронта считается соприкосновение зон дикости и цивилизации, а Кавказ на тот момент был, по ее мнению, самостоятельной цивилизацией. Автор считает поиск Кавказского фронта политической акцией, а не методологической проблемой. Однако ряд исследователей достаточно уверенно относят Северный Кавказ к фронтной зоне (Томас М. Баррет, С.М. Маркедонов). Так Баррету, как историку, это позволяет рассмотреть период кавказских войн не только с точки зрения ведения боевых действий и постройки укреплений, а как фронт, с учетом коммуникативных особенностей таких территорий. Но даже он в основном рассматривает Кавказский фронт как факт истории [5]. С нашей точки зрения Кавказ не просто территория исторического фронта, но и на данный момент является таковой.

Правда надо учитывать тот факт, что понятие «Кавказский фронт», которое мы здесь используем, достаточно условное, поскольку на самом деле это некое единство во множественности различных регионально, этнически, природно обусловленных фронтных сценариев: чеченский фронт, дагестанский фронт и т.д. Однако в силу локализованности территории у них есть общие стадии развития, фронтные типы коммуникационных отношений, специфика протекания процессов.

Отличительной особенностью Кавказского фронта является то, что в отличие от большинства фронтных территорий он в своей основной фазе имел не одну, а две подвижные границы – с Россией и с мусульманским востоком (Персией и Ираном). И эта территория с двух сторон подвергалась культурному влиянию. Со стороны России это были тенденции русификации, хозяйственного и торгового обмена, институционализация общественно-политической жизни кавказских народов. Под влиянием османов полухристианское – полуязыческое население Кавказа было обращено в ислам суфийского толка, давший идеологическую основу конфронтацион-

ному периоду (мюридизм) во время активного этапа фронта. Однако было заметно и хозяйственное влияние южных границ (например персидский рис и просо, османский виноград и т.д.). В данной статье мы ограничимся анализом только Российско-Кавказской стороны фронта.

Множество из фронтирных характеристик, приводимых Тернером, характерны для данной территории, причем не только в эпоху Кавказских войн 18–19 вв. но и в последующие периоды. Это всегда была окраинная территория и одновременно территория диалога культур, периодически переходившего в стадию конфронтации. Кавказские народы, особенно чеченцы всегда были свободолюбивы, сопротивлялись огосударствлению и институционализации. Это была гетеротопная территория, на которой законы меняли свой вектор, разбой был почти легитимизированной формой хозяйственной деятельности, разбойники считались героями, был большой процент перехода с одной стороны фронта на другую, наблюдался религиозный и этнический плюрализм и т.д.

Используя описанную выше типологию фронта: ранний фронт – фронт – постфронт – рефронт, посмотрим на динамику его развития на Кавказе. Во-первых, там достаточно четко можно выделить этап раннего фронта (16–17 в.), с момента построения первого укрепленного городка на Тереке по одной версии казаками или разбойниками [1], по другой Иваном Грозным в 1563 [15], по третьей в устье Сунжи в 1567 [5]. Гетеротопность территории во многом повлияла и на ее мифологическое осмысление и на многополярность научных предположений. В постоянно возникающих и разрушаемых, переносимых с места на место крепостях еще достаточно многочисленны гребенские казаки жили «в тесной дружбе с окрестными горами» [1], в силу этого процветала торговля и складывались достаточно позитивные коммуникативные связи. Этот этап раннего фронта практически не оставил нарративных источников.

Этап фронта – это хронологически период Кавказской войны (18–19 в.). Кстати ее хронология тоже весьма варьируется в различных нарративных источниках и исторических работах. На этом этапе культурный диалог принимает жесткие рамки конфронтации, усугубленной достаточно активными военными действиями со стороны России. Кавказские народы делятся на мирных и немирных, граница между которыми весьма условна. С обеих сторон предпринимаются кровавые военные действия, причем как в американской истории счет врагов идет, правда не на скальпы, как у индейцев, а на отрезанные уши или головы, причем по обеим сторонам фронта [6]. На этом этапе активно функционирует как институт пленения, так и аманатов-заложников, которые продуцируют соответствующие типы фронтирного человека. Все классические характеристики фронта тут присутствуют. Складывается самостоятельная кавказская мифология. А русские солдаты и офицеры, воюющие на Кавказе отличаются своей свободолюбивостью, раскованностью, смекалистостью от таких же военнослужащих в глубине России. Русские офицеры, побывавшие на Кавказе получают наименование – Кавказцы [10]. Этот этап характеризовался не только переходами людей с одной стороны фронта на другую, но и обменом религиозной ориентации – кавказцы принимали христианство, а казаки – ислам [9].

Третий этап или тип фронта – постфронт, это этап прекращения конфронтации, превращение фронта в историю региона, переоценки ценностей, складывание некой новой синтетической коммуникативной культуры. В классическом американском варианте на Кавказе постфронта не было. Потому, что даже в советское время продолжало существовать глубоко спрятанное ощущение «русской оккупации» [9]. О затянувшемся этапе фронта свидетельствует и депортация ряда Кавказских народов Сталиным, заселение покинутых домов некавказскими этносами, создание своеобразных резервационных колоний для кавказских этносов на месте высылки. Их возвращение домой было тяжелым и мучительным. С конца 1950-х, в хрущевский и брежневский период возникло ощущение формирования постфронтирной культуры. Шла определенная русификация, русский язык становился обязательным языком общения. Всеобщий обязательный атеизм и марксизм создают об-

щий мировоззренческий субстрат. Происходит мифологизация ряда представителей кавказской элиты. Кавказ получает существенную экономическую подпитку. Складывается система сдерживающих регуляторов общения. Однако внутреннего пересмотра ситуации фронта не произошло. Возможно и не могло произойти как в силу историко-культурной специфики региона, так и в силу отсутствия осмысления истории Кавказа как истории фронта. И лучшим этому подтверждением являются Чеченские войны и современная ситуация в Дагестане.

На данный момент ряд регионов Кавказа находится в стадии рефронта. По сути это есть возврат к конфронтационным отношениям, смена доминирующих акторов, переосмысление исторического процесса и рождение новой мифологии. Наиболее показательным является чеченский рефронт, поскольку отношения конфронтации вылились здесь в новые войны, с новой системой пленений, свободой, граничащей с беззаконием, переходом участников с одной стороны на другую, присутствием чеченцев по обеим сторонам фронта, неоправданной жесткостью. На этой стадии, несмотря на численный перевес российских войск и формальную победу во второй чеченской войне, доминирующим актором были уже не русские, а чеченцы. В настоящий момент территория Чечни превратилась в мононациональное и монорелигиозное государственное образование. И казалось бы стадия рефронта закончилась. Однако именно по окончании чеченской войны и установления стабильного режима в Чечне, начинается этап переосмысления фронта и роли русских в истории Чечни, появляется ностальгия по совместному проживанию, призывы к русским возвращаться. Появляются научные исследования, переосмысливающие межкультурные контакты [7, 8]. В Дагестане рефронт проявился не в виде позиционных войн, а в затяжных и регулярных террористических действиях, противостоянии традиционалистов и сторонников умеренной исламизации. Таким образом, проявляется реверсивный характер фронтальной динамики на Кавказе. Идея рефронта требует дальнейшего осмысления. Она применима и к исследованию ситуации на Нижней Волге, где в результате постоянных миграций с Кавказа и Закавказья изменился этноконфессиональный баланс региона и появляется новое противостояние мигрантов и автохтонных этносов, и на Кубани. Идеи рефронта применимы и для анализа современной ситуации на Украине. Необходимо более подробно изучить основные характеристики этого этапа и типа фронтальных коммуникаций. Ситуация в Чечне говорит о том, что возможен еще и этап пострефронта.

Таким образом мы видим, что теория фронта как методологический принцип исследования не только не потеряла своего значения, но и получила дальнейшее развитие с появлением новых подходов и типологий, стала применяться к исследованию новых территорий причем не только в плане исторических исследований, но и современных социальных процессов

Заключение

Применение фронтальной методологии к исследованию культурно-политических процессов на Кавказе позволяет увидеть всю панораму и определенную перспективу культурных коммуникаций в этом регионе. Эпистемологически она дает возможность посмотреть на зоны коммуникационного напряжения не только как на ошибки действующих на тот момент властей, но и как на продолжение фронтальных процессов, происходивших на данной территории с момента ее соприкосновения с другой культурой, проследить определенные закономерности и спрогнозировать в определенной степени дальнейшее развитие этих типов фронта.

Список литературы

1. Бадели Дж. Завоевание Кавказа русскими 1720–1860 г. / Дж. Бадели. – Москва : Центрополиграф, 2013. – 362 с.
2. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы / И. П. Басалаева // Теория и практика общественного развития : электронный научный журнал. 2012. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата размещения: 20.02.2012)
3. Басалаева И. П. Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера / И. П. Басалаева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 21. – С. 20–28.
4. Басалаева И. П. Фронт как место в пространственном анализе социальной динамики / И. П. Басалаева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 208–214
5. Барретт Томас М. Линии неопределенности. Северокавказский «фронт» России / Томас М. Барретт // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология. – Самара, 2000. – С. 163–195.
6. Дюма А. Кавказ / А. Дюма. – Советская Кубань, 1992.
7. Ибрагимов Муса М. Вклад русской интеллигенции в социально-экономическое и культурное развитие Чечено-Ингушетии в годы Советской власти / Муса М. Ибрагимов, А. Р. Балаева, А. Х. Нуридова. – Грозный : Грозненский рабочий, 2012. – 352 с.
8. История Чечни с древнейших времен до конца наших дней : в 2 тт. – Грозный : Книжное издательство, 2006. – Т. 1. – 828 с.
9. Садулаев Г. Прыжок Волка. Очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней / Г. Садулаев. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2012. – 254 с.
10. Торнау Из воспоминаний бывшего кавказца / Торнау // Воспоминания кавказского офицера. – Москва, 2008.
11. Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Хромых. – Красноярск : Томский государственный университет, 2009. – 270 с.
12. Шеуджен Э. А. Зона ли фронта Северный Кавказ? / Э. А. Шеуджен // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. – 2006. – Вып. 5. – С. 3–15.
13. Шиловский М. В. Фронт и переселения (сибирский опыт) / М. В. Шиловский // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – 2003. – Вып. 3. – С. 101.
14. Широков А. И. Социальная среда северного фронта (на примере северо-востока России) / А. И. Широков // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299 (I). – С. 91–93.
15. Шипов А. В. Схватка за Кавказ. 17–20 в. / А. В. Шипов. – Москва : Вечер, 2005. – 480 с.
16. Якушенков С. Н. Новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России / С. Н. Якушенков, А. П. Романова // Инноватика и экспертиза. – 2012. – Вып. 2. – С. 74–80.
17. Якушенкова О. С. Женщина на американском фронте / О. С. Якушенкова. – Астрахань : Сорокин, 2012.
18. Billington R. A. Westward Expansion: A History of the American Frontier / R. A. Billington. – N.Y. : Macmillan, 1960.
19. Turner F. J. The frontier in American history / F. J. Turner. – N.Y. : Courier Dover Publ., 1996.

References

1. Badeli Dzh. *Zavoevanie Kavkaza russkimi 1720–1860 g.* [Conquest of the Caucasus, the Russian 1720-1860], Moscow, Tsentropoligraf Publ., 2013. 362 p.
2. Basalayeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Criteria Frontier: Statement of the Problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012 [Theory and practice of social development. 2012]. Available at: <http://www.teoria-practica.ru/> (accessed: 20.02.2012).
3. Basalayeva I. P. Sotsialno-filosofskiye osnovaniya kontseptsii frontira F. DZh. Ternera [Socio-philosophical foundations of the concept of the frontier F. J. Turner]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no. 21, pp. 20–28.

4. Basalayeva I. P. Frontir kak mesto v prostranstvennom analize sotsialnoy dinamiki [Frontier as a place in the spatial analysis of social dynamics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, issue 1 (18), pp. 208–214.
5. Barrett Tomas M. Linii neopredelennosti. Severokavkazskiy «frontir» Rossii [Lines uncertainty. North Caucasus "frontier" of Russia]. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskiy period: Antologiya* [American Russian studies. Milestones in the historiography of the last years. Imperial period: An Anthology], Samara, 2000., pp. 163–195.
6. Dyuma A. *Kavkaz* [Caucasus], Soviet Kuban, 1992.
7. Ibragimov Musa M., Balaeva A. R., Nuridova A. Kh. *Vklad russkoy intelligentsii v sotsialno-ekonomicheskoe i kulturnoe razvitie Checheno-Ingushetii v gody Sovetskoy vlasti* [The contribution of the Russian intelligentsia in the socio-economic and cultural development of Chechen-Ingushetia in Soviet], Grozny, Groznenskiy rabocchiy Publ., 2012. 352 p.
8. *Istoriya Chechni c drevneyshikh vremen do kontsa nashikh dney* [Chechen history from ancient times to the end of the day], Grozny, Knizhnoe izdatelstvo Publ., 2006. 828 p.
9. Sadulaev G. *Pryzhok Volka. Ocherki politicheskoy istorii Chechni ot Khazarского kaganata do nashikh dney* [Wolf jump. Essays on the political history of the Chechen Republic of the Khazar Khanate to the present day], Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2012. 254 p.
10. Tornau Iz vospominaniy byvshego kavkaztsa [From the memoirs of the former Caucasian]. *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian officer], Moscow, 2008.
11. Khromykh A. S. *Russkaya kolonizatsiya Sibiri posledney treti XVI – pervoy chetverti XVII veka v svete teorii frontira* [Russian colonization of Siberia, the last third of the XVI - first quarter of the XVII century in the light of the theory of the frontier], Krasnoyarsk, Tomsk State University Publ. House, 2009. 270 p.
12. Sheudzhen E. A. Zona li frontira Severnyy Kavkaz? [Frontier zone if the North Caucasus?]. *Voprosy teorii i metodologii istorii* [Problems in the theory and methodology of history], 2006, issue 5, pp. 3–15.
13. Shilovskiy M. V. Frontir i pereseleniya (sibirskiy opyt) [Frontier and resettlement (Siberian experience)]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the XVII-XX centuries: general and particular], 2003, vol. 3, pp. 101.
14. Shirokov A. I. Sotsialnaya sreda severnogo frontira (na primere severo-vostoka Rossii) [The social environment of the northern frontier (for example, the north-east of Russia)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2007, no. 299 (I), pp. 91–93.
15. Shishov A. V. *Skhvotka za kavkaz. 17–20 vek* [Quest for the Caucasus. 17–20 century], Moscow, Vecher Publ., 2005. 480 p.
16. Yakushenkov S. N., Romanova A. P. Novyy podkhod k osmysleniyu sotsialno-politicheskoy i ekonomicheskoy situatsii na Yuge Rossii [A new approach to understanding the socio-political and economic situation in southern Russia]. *Innovatika i ekspertiza* [Innovation and expertise], 2012, vol. 2, pp. 74–80.
17. Yakushenkova O. S. *Zhenshchina na amerikanskom frontir* [Woman on the American frontier], Astrakhan, Sorokin Publ., 2012.
18. Billington R. A. *Westward Expansion: A History of the American Frontier*, N.Y., Macmillan Publ., 1960.
19. Turner F. J. *The frontier in American history*, N.Y., Courier Dover Publ., 1996.

**ПРИНЦИПЫ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ
В ПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ ПАМЯТИ
О СЕМЬЕ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЛИОНОЗОВЫХ
(ЛИАНОСЯН, ЛИАНОЗОВЫХ, LIANOZOFF)**

Марисова Наталья Дмитриевна, кандидат педагогических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: natalia.marisova@mail.ru